

Философия

Занятия у заочного отделения

(2023-24 уч. г.)

Курс состоит из 4 лекций и 2 семинарских занятий, форма итоговой отчётности – экзамен. Вопросы к экзамену и задания к семинарам см. ниже.

Для допуска к экзамену за 6 занятий нужно получить от 30 до 60 баллов:

- Посещение лекций – 4 б. за каждую (16 б.);
- Посещение семинаров – 4 б. за каждый (8 б.);
- Работа на семинарах (ответы на вопросы, знание текстов) – 12 б. за каждый (24 б.);
- Подготовка эссе – 12 б. (темы приведены ниже, прислать эссе на почту преподавателя следует после первого занятия, оно будет проверяться на плагиат, распечатывать не нужно). Написание эссе не является обязательным требованием курса.

Перезачёт возможен при наличии документов о прохождении курса в рамках предыдущего высшего образования (не СПО и «Основы философии»).

Темы эссе:

1. «Категорический императив» И. Канта и его современное значение.
2. «Философические письма» П.Я. Чаадаева и их влияние на политическую жизнь России.
3. Аврелий Августин (Блаженный). Нравственные уроки «Исповеди».
4. Гегель: «Противоречие – источник всякой жизненности и силы».
5. Греческий эрос и христианская агапе.
6. Место и роль философии в культуре.
7. Платон и коммунизм. Судьба утопии Платона.
8. Решены ли парадоксы Зенона?
9. Сократ и мы. Уроки философии Сократа.
10. Ф. Ницше о человеке и сверхчеловеке. Критика морали и христианства.
11. Философия и искусство. Философские проблемы в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.
12. Философия как наука. Философия и наука.

Вопросы к экзамену по философии

1. Происхождение философии. Источники философии и понятие предфилософии.

1. Предмет философии, его специфика. Основные проблемы философии. Структура и функции философии.
2. Философия и другие формы сознания и деятельности – наука, политика, искусство, религия, мораль.
3. Античная философия: Милетская школа, Гераклит, Пифагор.
4. Античная философия: элеаты, атомистика.
5. Философия софистов. Сократ.
6. Объективный идеализм Платона.
7. Философия Аристотеля.
8. Эллинистически-римская философия: киники, эпикурейцы, стоики, скептики.
9. Основные проблемы философии Средних веков. Патристика. Учение св. Августина.
10. Философия Средних веков. Схоластика. Учение Фомы Аквинского. Проблема универсалий: спор реалистов и номиналистов.
11. Основные проблемы философии эпохи Возрождения: гуманизм, картина природы, социально-политическая философия.
12. Эмпиризм и рационализм в философии Нового времени: Ф. Бэкон и Р. Декарт.
13. Учение о субстанции: Р. Декарт, Б. Спиноза, Лейбниц.
14. Сенсуализм: Д. Локк, Д. Беркли, Д. Юм.
15. Философия Французского просвещения: Вольтер, Дидро, Руссо, Гольбах.
16. Философия И. Канта: теория познания, этика, эстетика.
17. Философия Фихте и Шеллинга.
18. Философия Гегеля.
19. Антропологический материализм Л. Фейербаха.
20. Основные принципы философии К. Маркса.
21. Русская философия. Спор славянофилов и западников и его историческое значение.
22. Русская религиозная философия: В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев.
23. Русский космизм.
24. Иррационалистическая философия А. Шопенгауэра и Ф. Ницше.
25. Экзистенциализм. Основные проблемы.
26. Фрейдизм и его эволюция.
27. Позитивизм: О. Конт, Э. Мах, неопозитивизм.
28. Онтология и её предмет. Бытие и небытие.
29. Учение о материи. Материальное и идеальное.
30. Учение о пространстве и времени в философии и науке.
31. Движение и развитие. Диалектика как учение о развитии.
32. Происхождение сознания. Роль труда, морали и религии в антропосоциогенезе.
33. Сознание и язык. Сознание и мышление.

34. Сознание и самосознание. Бессознательное в психике.
35. Структура познавательной деятельности: чувственное и рациональное.
36. Специфика научного познания, его методы и формы.
37. Основные концепции истины.
38. Социальное и биологическое в человеке. Социологизаторство и биологизаторство в трактовке человека.
39. Человек, индивид, личность.
40. Смысл жизни и предназначение человека. Свобода воли и ответственность.
41. Модели исторического развития: циклические и прогрессистские. Критерии прогресса
42. Философское учение о государстве, его признаках и функциях. Формы политического правления, политические режимы и права личности.
43. Особенности информационной цивилизации.

Семинар 1. Античность, Средние века и Возрождение.

1. Почему наибольшего расцвета философия достигла именно в Греции?
2. Почему знание у Платона может быть названо припоминанием?
3. Сколько законов логики сформулировал Аристотель? Что такое силлогизм?
4. Что такое удовольствие по Эпикуру? Почему его учение неправильно отождествлять с гедонизмом?
5. В чём расходятся в понимании человека и мира античная и христианская философия?
6. Как меняется философская проблематика в эпоху Возрождения? Почему этот период получил такое название?
7. Что такое алхимия? Чем она отличается от современной химии?

Платон. Государство. Книга 7. («Миф о пещере»)

...Посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная... невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

...за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

– Странный ты рисуешь образ и странных узников!

– Подобных нам. Прежде всего, разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

– Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

– А предметы, которые проносят там, за стеной; не то же ли самое происходит и с ними?.. Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?.. Такие

узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов...

Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное.

Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх – в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит, и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?...

А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза, и не вернется он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?...

Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят... Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть все то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем – на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом – на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и его свет.

И, наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других, ему чуждых средах.

И тогда уж он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведает всем в видимом пространстве, и оно же каким-то образом есть причина всего того, что этот человек и другие узники видели раньше в пещере.

Вспомнив свое прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтет он блаженством перемену своего положения и разве не пожалеет своих друзей?

А если они воздавали там какие-нибудь почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличался наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запоминал, что обычно появлялось сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее, то, как ты думаешь, жаждал бы всего этого тот, кто уже освободился от уз, и разве завидовал бы он тем, кого почитают узники и кто среди них влиятелен?...

Обдумай еще и вот что: если бы такой человек опять спустился туда и сел бы на то же самое место, разве не были бы его глаза охвачены мраком при таком внезапном уходе от света Солнца?...А если бы ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут – а на это потребовалось бы немалое время, – разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?...

Так вот, дорогой мой Главкон, это уподобление следует применить ко всему, что было сказано ранее: область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, – это подъем души в область умопостигаемого. Если ты все это допустишь, то постигнешь мою заветную мысль – коль скоро ты стремишься ее узнать, – а уж Богу ведомо, верна ли она. Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея Блага – это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она – причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама – владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни.

... не удивляйся, что пришедшие ко всему этому не хотят заниматься человеческими делами; их души всегда стремятся ввысь. Да это и естественно, поскольку соответствует нарисованной выше картине... А удивительно разве, по-твоему, если кто-нибудь, перейдя от божественных созерцаний к человеческому убожеству, выглядит неважно и кажется крайне смешным? Зрение еще не привыкло, а между тем, прежде чем он привыкнет к окружающему мраку, его заставляют выступать на суде или еще где-нибудь и сражаться по поводу теней справедливости или изображений, отбрасывающих эти тени, так что приходится спорить о них в том духе, как это воспринимают люди, никогда не видавшие самое справедливое.

Всякий, кто соображает, вспомнил бы, что есть два рода нарушения зрения, то есть по двум причинам: либо когда переходят из света в темноту, либо из темноты – на свет. То же самое происходит и с душой: это можно понять, видя, что душа находится в замешательстве и не способна что-либо разглядеть. Вместо того чтобы бессмысленно смеяться, лучше – понаблюдать, пришла ли эта душа из более светлой жизни и потому с непривычки омрачилась, или же, наоборот, перейдя от полного невежества к светлой жизни, она ослеплена ярким сиянием: такое ее состояние и такую жизнь можно счесть блаженством, той же, первой посочувствовать. Если, однако, при взгляде на нее кого-то все-таки разбирает смех, пусть он меньше смеется над ней, чем над той, что явилась сверху, из света.

Раз это верно, вот как должны мы думать об этих душах: просвещенность – это совсем не то, что утверждают о ней некоторые лица, заявляющие, будто в душе у человека нет знания, и они его туда вкладывают, вроде того, как вложили бы в слепые глаза зрение.

А это наше рассуждение показывает, что у каждого в душе есть такая способность; есть у души и орудие, помогающее каждому обучиться. Но как глазу невозможно повернуться от мрака к свету иначе, чем вместе со всем телом, так же нужно отвратиться всей душой ото всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия и того, что в нем всего ярче, а это, как мы утверждаем, и есть благо. Не правда ли?

Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию.

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Так и поступай, мой Луцилий! Отвоюй себя для себя самого, береги и копи время, которое прежде у тебя отнимали или крали, которое зря проходило. Сам убедись в том, что я пишу правду: часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Вглядишься-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую – на безделье, и всю жизнь – не на те дела, что нужно. (2) Укажешь ли ты мне такого, кто ценил бы время, кто знал бы, чего стоит день, кто понимал бы, что умирает с каждым часом? В том-то и беда наша, что смерть мы видим впереди; а большая часть ее у нас за плечами, – ведь сколько лет жизни минуло, все принадлежит смерти. Поступай же так, мой Луцилий, как ты мне пишешь: не упускай ни часу. Удержишь в руках сегодняшний день – меньше будешь зависеть от завтрашнего. Не то, пока будешь откладывать, вся жизнь и промчится. (3) Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владенье природа, но и его кто хочет, тот и отнимает. Смертные же глупы: получив что-нибудь ничтожное, дешевое и наверняка легко возместимое, они позволяют предьявлять себе счет; а вот те, кому уделили время, не считают себя должниками, хотя единственно времени и не возвратит даже знающий благодарности. (4) Быть может, ты спросишь, как поступаю я, если смею тебя поучать? Признаюсь чистосердечно: как расточитель, тщательный в подсчетах, я знаю, сколько растратил. Не могу сказать, что не теряю ничего, но сколько теряю, и почему, и как, скажу и назову причины моей бедности. Дело со мною обстоит так же, как с большинством тех, кто не через собственный порок дошел до нищеты; все меня прощают, никто не помогает. (5) Ну так что ж? По-моему, не беден тот, кому довольно и самого малого остатка. Но ты уж лучше береги свое достояние сейчас: ведь начать самое время! Как считали наши предки поздно быть бережливым, когда осталось на доньшке. Да к тому же остается там не только мало, но и самое скверное. Будь здоров.

Леонардо да Винчи.

Пусты и полны заблуждений то науки, которые не порождены опытом, отцом всякой достоверности, и не завершаются в наглядном опыте, т. е. те науки, начало, середина или конец которых не проходят ни через одно из пяти чувств.

И если мы подвергаем сомнению достоверность всякой ощущаемой вещи, тем более должны мы подвергать сомнению то, что восстает против ощущений, каковы, например, вопросы о сущности Бога и души и тому подобные, по поводу которых всегда спорят и сражаются. И поистине, всегда там, где недостает разумных доводов, там их заменяет крик, чего не случается с вещами достоверными. Вот почему мы скажем, что там, где кричат, там истинной науки нет, ибо истина имеет одно единственное решение, и, когда оно оглашено, спор прекращается навсегда. И если спор возникает снова и снова, то эта наука — лживая и путаная, а не возродившаяся [на новой основе] достоверность. Истинные науки — те, которые опыт заставил пройти сквозь ощущения и наложил молчание на языки спорщиков.

Истинная наука не питает сновидениями своих исследователей, но всегда от первых истинных и доступных познанию начал постепенно продвигается к цели при помощи истинных заключений, как это явствует из первых математических наук, называемых арифметикой и геометрией, т. е. числа и меры».

Семинар 2. Новое время, современная философия.

8. В чём коренится расхождение между эмпириками и рационалистами?
9. Почему материализм нового времени часто называют механистическим?
10. Что такое «вещь в себе», почему Канта можно назвать агностиком?
11. Почему теорию познания Канта часто называют «коперниканским переворотом» в гносеологии?
12. Чем категорический императив в философии Канта отличается от гипотетического?
13. Как Гегель понимает диалектику, в чём заключается его философский метод?
14. Чем отличаются теории сильного и слабого искусственного интеллекта?
15. Каковы четыре основные концепции истины?

Иммануил Кант. Критика чистого разума.

...До сих пор считали, что всякие наши знания должны сообразоваться с предметами. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием, — а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны. Здесь повторяется то же, что с первоначальной мыслью Коперника: когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движения небесных тел, то он попытался установить, не достигнет ли он большого успеха, если предположить, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя. Подобную же попытку можно предпринять в метафизике, когда речь идет о созерцании предметов...

...Отбрасывайте постепенно от вашего эмпирического понятия тела все, что есть в нем эмпирического: цвет, твердость или мягкость, вес, непроницаемость; тогда все же останется пространство, которое тело (теперь уже совершенно исчезнувшее) занимало и которое вы не можете отбросить. Точно так же если вы отбросите от вашего эмпирического понятия какого угодно телесного или нетелесного объекта все свойства, известные вам из опыта, то все же вы не можете отнять у него то свойство, благодаря которому вы мыслите его как субстанцию или как нечто присоединенное к субстанции (хотя это понятие обладает большей определенностью, чем понятие объекта вообще). Поэтому вы должны под давлением необходимости, с которой вам навязывается это понятие, признать, что оно а priori пребывает в нашей познавательной

способности...

...Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления. Я должен теперь дать дефиницию этой высшей способности познания и чувствую себя в несколько затруднительном положении. Как и рассудок, разум имеет чисто формальное, т.е. логическое, применение, когда он отвлекается от всякого содержания познания, но он имеет также и реальное применение, так как он сам заключает в себе источник определенных понятий и основоположений, которые он не заимствует ни из чувств, ни из рассудка... Мы отличаем разум от рассудка тем, что называем разум способностью давать принципы...

...Если рассудок есть способность создавать единство явлений посредством правил, то разум есть способность создавать единство правил рассудка по принципам. Следовательно, разум никогда не направлен прямо на опыт или на какой-нибудь предмет, а всегда направлен на рассудок, чтобы с помощью понятий а priori придать многообразным его знаниям единство, которое можно назвать единством разума и которое совершенно иного рода, чем то единство, которое может быть осуществлено рассудком...

Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра.

...И Заратустра говорил так к народу:

Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?

Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорей вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором.

Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяной, и даже теперь еще человек больше обезьяна, чем иная из обезьян.

...Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке! Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли!

...Некогда смотрела душа на тело с презрением: и тогда не было ничего выше, чем это презрение, – она хотела видеть тело тощим, отвратительным и голодным. Так думала она бежать от тела и от земли.

...Поистине, человек – это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и не сделаться нечистым.

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он – это море, где может потонуть ваше великое презрение.

...Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью.

Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка.

В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель...

Людвиг Витгенштейн. Логико-философский трактат.

Мир есть все, что происходит.

Мир – целокупность фактов, а не предметов.

Мир определен фактами и тем, что это все факты. (...)

Мир – это факты в логическом пространстве. (...)

Мир – целокупность существующих событий. (...)

Действительность – существование и не-существование событий. (...)

Мир – действительность во всем её охвате.

Мы создаём для себя картины фактов. (...)

Картина – модель действительности. (...)

Картина – факт. (...)

То, что картина изображает, – её смысл. её истинность или ложность состоит в соответствии или несоответствии её смысла действительности. (...)

Мысль – логическая картина факта. "Событие мыслимо" означает: "Мы в состоянии представить себе ту или иную его картину". Целостность истинных мыслей – картина мира. (...)

Знак, с помощью которого выражается мысль, я называю знаком-предложением. (...)

Что не удаётся выразить в знаке, показывает его употребление. Что проглатывают знаки, договаривает их применение. (...)

Если знак не используют, он не имеет значения. (...)

Применённый, обдуманый, знак-предложение есть мысль.

Мысль – осмысленное предложение. Целостность предложений – язык. (...) Язык переодевает мысли. (...)

Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность.

Большинство предложений и вопросов философа коренится в нашем непонимании логики языка. (...)

И неудивительно, что самые глубокие проблемы – это, по сути, не проблемы.

Вся философия – это "критика языка".

Целостность истинных предложений – наука в её полноте (или целостность наук).

Философия не является одной из наук.

(Слово "философия" должно обозначать нечто, стоящее под или над, но не рядом с науками.)

Цель философии – логическое прояснение мыслей. Философия не учение, а деятельность.

Философская работа, по существу, состоит из разъяснений.

Результат философии не "философские предложения", а достигнутая ясность предложений.

Мысли, обычно как бы туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчётливыми.

Психология не более родственна философии, чем какая-нибудь иная наука.

Теория познания – это философия психологии. (...)

Философия ограничивает спорную территорию науки.

Она призвана определить границы мыслимого и тем самым невысказанного.

Невысказанное она должна ограничить изнутри через мыслимое.

Она даёт понять, что не может быть сказано, ясно представляя то, что может быть сказано. Все, что вообще мыслимо, можно мыслить ясно. Все, что поддаётся высказыванию, может быть высказано ясно. (...)

Границы моего языка означают границы моего мира. (...)

То, что мир является моим миром, обнаруживается в том, что границы особого языка (того языка, который мне только и понятен) означают границы моего мира. Мир и Жизнь суть одно. Я есть мой мир. (Микрокосм.)

Фрэнк Джексон. Epiphenomenal Qualia.

Мэри, блестящий ученый, вынуждена изучать мир из черно-белой комнаты через черно-белый монитор. Она специализируется на нейрофизиологии зрения, и, предположим, она обладает всей возможной физической информацией, которую можно получить о том, что мы испытываем, когда видим спелые помидоры или небо, или когда используем слова „красный“, „синий“, и так далее. К примеру, она знает, какие комбинации длин волн, излучаемые небом, стимулируют сетчатку глаза, и что в точности происходит в центральной нервной системе, когда произносится фраза „Небо синее“. Что произойдет, когда Мэри выйдет из своей комнаты или когда ей дадут цветной монитор? Узнает ли она что-нибудь новое?

Дональд Дэвидсон. Болотный человек.

Представим прогуливающегося по болоту Дональда Дэвидсона, который остановился переждать грозу рядом с сухим деревом. Ударившая молния расщепляет тело Дэвидсона на

молекулы и по невероятному стечению обстоятельств создает из сухого дерева точную копию Дэвидсона.

Эта копия (назовем ее «болотный человек») покидает болото и, встречая по дороге друзей Дэвидсона, делает вид, что узнает их, и отзывается на их приветствия на английском языке. Двойник Дэвидсона заходит в его дом, и окружающим кажется, что профессор уселся за рабочий стол писать философскую статью.

Можно ли считать «болотного человека» тем же самым существом, что и Дональд Дэвидсон?

Л.Н. Гумилев. От Руси к России: очерки этнической истории.

В истории этносов (народов), как и в истории видов, мы сталкиваемся с тем, что время от времени на определенных участках Земли идет абсолютная ломка, когда старые этносы исчезают и появляются новые. Древности принадлежат филистимляне и халдеи, македоняне и этруски. Их сейчас нет, но когда-то не было англичан и французов, шведов и испанцев. Итак, этническая история состоит из "начал" и "концов".

Но откуда же и почему возникают эти новые общности, вдруг начинающие отделять себя от соседей: "Э нет, знаем мы вас: вы – немцы, а мы – французы!" Понятно, что любой этнос имеет предка, даже не одного, а нескольких. Например, для русских предками были и древние русичи, и выходцы из Литвы и Орды, и местные финно-угорские племена. Однако установление предка не исчерпывает проблемы образования нового этноса. Предки есть всегда, а этносы образуются достаточно редко и во времени, и в пространстве. Казалось бы, на поставленный вопрос нет ответа, но вспомним, что точно так же сто лет назад не было ответа на вопрос о происхождении видов.

В прошлом веке, в эпоху бурного развития теории эволюции, как до, так и после Дарвина, считалось, что отдельные расы и этносы образуются вследствие борьбы за существование. Сегодня эта теория мало кого устраивает, так как множество фактов говорит в пользу иной концепции – теории мутагенеза. В соответствии с ней каждый новый вид возникает как следствие мутации – внезапного изменения генофонда живых существ, наступающего под действием внешних условий в определенном месте и в определенное время. Конечно, наличие мутаций не отменяет внутривидового процесса эволюции: если появившиеся признаки повышают жизнеспособность вида, они воспроизводятся и закрепляются в потомстве на достаточно долгое время. Если это не так – носители их вымирают через несколько поколений.

Теория мутагенеза хорошо согласовывается с известными фактами этнической истории. Вспомним уже упоминавшийся пример миграций в I–II вв. н.э. Мощное движение новых этносов имело место сравнительно недолго и только в узкой полосе от южной Швеции до Абиссинии. Но ведь именно это движение погубило Рим и изменило этническую карту всего европейского Средиземноморья.

Следовательно, начало этногенеза мы также можем гипотетически связать с механизмом мутации, в результате которой возникает этнический "толчок", ведущий затем к образованию новых этносов. Процесс этногенеза связан с вполне определенным генетическим признаком. Здесь мы вводим в употребление новый параметр этнической истории – пассионарность. Пассионарность – это признак, возникающий вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию. Мы назовем таких людей пассионариями.

Пассионарии стремятся изменить окружающее и способны на это. Это они организуют далекие походы, из которых возвращаются немногие. Это они борются за покорение народов, окружающих их собственный этнос, или, наоборот, сражаются против захватчиков. Для такой деятельности требуется повышенная способность к напряжениям, а любые усилия живого организма связаны с затратами некоего вида энергии. Такой вид энергии был открыт и описан нашим великим соотечественником академиком В. И. Вернадским и назван им биохимической энергией живого вещества биосферы.

Механизм связи между пассионарностью и поведением прост. Обычно у людей, как у живых организмов, энергии столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Если же организм человека способен "вобрать" энергии из окружающей среды больше, чем необходимо, то человек

формирует отношения с другими людьми и связи, которые позволяют применить эту энергию в любом из выбранных направлений. Возможно и создание новой религиозной системы или научной теории, и строительство пирамиды или Эйфелевой башни и т.п. При этом пассионарии выступают не только как непосредственные исполнители, но и как организаторы. Вкладывая свою избыточную энергию в организацию и управление соплеменниками на всех уровнях социальной иерархии, они, хотя и с трудом, вырабатывают новые стереотипы поведения, навязывают их всем остальным и создают таким образом новую этническую систему, новый этнос, видимый для истории.

Но уровень пассионарности в этносе не остается неизменным [...]. Этнос, возникнув, проходит ряд закономерных фаз развития, которые можно уподобить различным возрастам человека. Первая фаза – фаза пассионарного подъема этноса, вызванная пассионарным толчком. Важно заметить, что старые этносы, на базе которых возникает новый, соединяются как сложная система. Из подчас непохожих субэтнических групп создается спаянная пассионарной энергией целостность, которая, расширяясь, подчиняет территориально близкие народы. Так возникает этнос. Группа этносов в одном регионе создает суперэтнос (так, Византия – суперэтнос, возникший в результате толчка в I в. н.э., состоял из греков, египтян, сирийцев, грузин, армян, славян и просуществовал до XV в.). Продолжительность жизни этноса, как правило, одинакова и составляет от момента толчка до полного разрушения около 1500 лет, за исключением тех случаев, когда агрессия иноплеменников нарушает нормальный ход этногенеза. [...]

Наибольший подъем пассионарности – акматическая фаза этногенеза – вызывает стремление людей не создавать целостности, а, напротив, "быть самими собой": не подчиняться общим установлениям, считаться лишь с собственной природой. Обычно в истории эта фаза сопровождается таким внутренним соперничеством и резней, что ход этногенеза на время тормозится.

Постепенно вследствие резни пассионарный заряд этноса сокращается, ибо люди физически истребляют друг друга. Начинаются гражданские войны, и такую фазу мы назовем фазой надлома. Как правило, она сопровождается огромным рассеиванием энергии, кристаллизующейся в памятниках культуры и искусства. Но внешний расцвет культуры соответствует спаду пассионарности, а не ее подъему. Кончается эта фаза обычно кровопролитием; система выбрасывает из себя излишнюю пассионарность, и в обществе восстанавливается видимое равновесие.

Этнос начинает жить "по инерции" благодаря приобретенным ценностям. Эту фазу мы назовем инерционной. Вновь идет взаимное подчинение людей друг другу, происходит образование больших государств, создание и накопление материальных благ.

Постепенно пассионарность иссякает. Когда энергии в системе становится мало, ведущее положение в обществе занимают субпассионарии – люди с пониженной пассионарностью. Они стремятся уничтожить не только беспокойных пассионариев, но и трудолюбивых гармоничных людей. Наступает фаза обскурации, при которой процессы распада в этносоциальной системе становятся необратимыми. Везде господствуют люди вялые и эгоистичные, руководствующиеся потребительской психологией. А после того как субпассионарии проедят и пропьют все ценное, сохранившееся от героических времен, наступает последняя фаза этногенеза – мемориальная, когда этнос сохраняет лишь память о своей исторической традиции. Затем исчезает и память: приходит время равновесия с природой (гомеостаза), когда люди живут в гармонии с родным ландшафтом и предпочитают великим замыслам обывательский покой. Пассионарности людей в этой фазе хватает лишь на то, чтобы поддерживать налаженное предками хозяйство.

Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, при котором возникает новая пассионарная популяция. Но она отнюдь не реконструирует старый этнос, а создает новый, давая начало очередному витку этногенеза – процесса, благодаря которому Человечество не исчезает с лица Земли.